Текст · 26 октября 2020, 05:51
Анна Козкина,

«Мне на самом деле страшно». Сотрудника ФБК призвали в армию с астмой и опять выписали из госпиталя

19-летнего *IT*-специалиста Фонда борьбы с коррупцией (ФБК) Артема Ионова экстренно выписали из гражданской больницы, куда его госпитализировали с пневмонией, и отправили обратно в воинскую часть. Ионов служит в армии с конца июня: его задержали у дома и тут же увезли в военкомат. Через месяц он оказался на Чукотке. У призывника диагностирована астма, что подразумевает освобождение от срочной службы — но военные медики не подтверждают этот диагноз. «Медиазона» поговорила с Ионовым о его службе, состоянии здоровья и отношении со стороны сослуживцев.

---

22 июня меня забрали около дома, отвезли на распределок[1]. В этот же день я уехал сначала во

Владимир, пробыл там две недели. Там мне сказали: принимай присягу или мы тебя посадим, разговор в таком духе. Я посоветовался с юристами, принял присягу. Сначала меня положили в лазарет, хотели отправить в госпиталь, но через пару дней пришел приказ сверху отправить меня на Чукотку.

Мы поехали в Домодедово, сели на самолет «Уральских авиалиний», полетели в Благовещенск. Оттуда в дивизию часть 75715, это «Украинка»[2]. Там

я пробыл, наверное, еще недели три. Сначала лежал в карантине, потом у меня случился очень серьезный приступ астмы, меня отвезли в госпиталь № 411[3].

Приступ случился во время строевой подготовки. Ходьба строевым шагом на самом деле хуже, чем бег. Это было в середине июля. Не могу сказать точную дату, потому что у меня не было никакой связи. [Сальбутамол][4] не помог просто. Когда у тебя происходит приступ, ты натурально задыхаешься. У меня никогда таких ситуаций не возникало, это впервые в моей жизни такая штука произошла.

У меня была легкая форма астмы, потом она перешла в интермиттирующую[5] форму — то есть приступы случались очень редко, раз в полгода это могло произойти, когда я с какой-нибудь кошкой посижу, в какое-нибудь пыльное помещение зайду. В армии у меня уже приступы раз десять были минимум, и вот был один серьезный. Нужно было купировать это гормонами, мне кололи преднизолон и что-то еще в лазарете.

По схожему сценарию призвали в армию другого сотрудника ФБК — Руслана Шаведдинова. Силовики пришли к нему домой в декабре 2019 года. Шаведдинов не мог ни с кем связаться, так как его сим-карта оказалась заблокирована. Через сутки выяснилось, что его отправили служить на архипелаг Новая Земля в Северном Ледовитом океане.

[В госпитале я провел] 12 дней. Я поступил с направлением о том, что у меня бронхиальная астма — потому что врачи в части, как я понимаю, записали это в документы. Я прошел там военно-врачебную комиссию — и комиссия сказала, что не смогла подтвердить диагноз.

Когда начальник пульмонологии меня только увидел, он в тот момент, видимо, еще не знал, кто я, и он мне сказал: «Судя по твоим медицинским документам, ты вообще служить в армии не должен, мы тебя должны комиссовать. Сейчас мы тебе быстренько проведем (обследование), и тебя комиссуют». Потом ему, видимо, позвонили. Это майор Козлов, начальник пульмонологии. Сказал, что у меня нет никаких заболеваний, и меня выписали.

«Все равно годен»

Через пару дней посадили на военный борт Ил-76 — и, собственно, с того момента я на Чукотке. Это было примерно 27 июля. Я успел много покататься по частям.

Когда я на Чукотку приехал, солдаты уже знали обо мне — потому что это было в новостях и вся часть стояла на ушах. Там паренек читал «Медиазону», и он увидел меня на «Медиазоне». Все понимают, откуда я. Практически все срочники знают, кто такой Навальный. Про отравление Алексея в части тоже все слышали.

На Чукотке я был до 10 сентября. Отдавал долг родине, копая землю и таская всякую херню, ну [как] чернорабочий. Были приступы

астмы время от времени, но все купировали сальбутамолом. 10 сентября я поехал в госпиталь [в Хабаровске] по представлению командира части на военно-врачебную комиссию, чтобы освидетельствовать меня — есть у меня астма или нет. Лежал я там, наверное, две недели. Меня выперли 1-го [октября], сказав, что ограниченно годен к военной службе. То есть они не говорят «здоров как бык», они говорят, что «на грани, но все равно годен». Астму они полностью игнорируют — ее нет.

В 2004-м у меня было первое освидетельствование, меня на скорой увезли. Мне поставили первый диагноз. Потом мне подтвердили диагноз в 2006 году в ФМБА иммунологии на Каширке, в третий раз мне подтвердили диагноз в Морозовской ЦРБ в Москве. Я хотел подтвердить диагноз в 2020 году, потому что военкомат просил это сделать, но я не успел туда доехать. Я когда из дома вышел [22 июня] — я в больницу ехал. Астма не лечится, она на всю жизнь. Документы все в военкомат были предоставлены.

Срочная служба на больничной койке

Мне стало хреново в тот же день, когда я прилетел, [3 октября обратно в часть на Чукотке]. Озноб, ломота в костях, слабость, сильный кашель. Мне выдали одежду в казарме, поднялись наверх для прохождения медицинского освидетельствования, что у меня все в порядке, никто не бил, и уже на освидетельствовании температура [подтвердилась]. И меня сразу положили в лазарет.

У нас очень маленькая часть[6]. Это здание гостиницы «Аэропорт». Армия забрала его в 2014 году.
Это пятиэтажка и все, больше ничего там нет. Пятиэтажка, огороженная забором. Поэтому лазарет располагается на этаж выше казармы. В лазарете начали лечить сразу от бронхита, лечили-лечили, потом я попадаю [14 октября] как раз сюда, в больницу, это окружная чукотская больница в Анадыре, где мне уже врач-инфекционист говорит, что у тебя двусторонняя долевая пневмония.

Палата в окружной чукотской больнице в Анадыре, Фото личный архив Артема Ионова

Я два раза сдавал тест [на коронавирус]. Первый раз в поликлинике рядом с частью в Угольных Копях — результат этого теста я не знаю. И второй раз я сдавал тест уже здесь — лаборатория больницы сказала, что результат отрицательный.

В принципе меня подлечили немного в больнице. Врач говорит, что у меня уже чистые легкие. В понедельник будет решаться вопрос — выписывать меня или нет. Командир части нашей [Игорь Албу] связывался с моей матерью после поста [Владислава] Здольникова[7]. Он сказал, что выписка будет в понедельник[8]. Я бы конечно, еще долечился, потому что слабость настолько, что я сегодня себе чуть голову не разбил, пытаясь сходить в душ. То есть давление очень низкое до сих пор. У меня есть небольшой

тремор рук, может, от лекарств, не знаю, если честно. Пока что субфебрильная температура — 37,2-37,3.

Вообще я больше половины срока своей службы в армии провел в больницах, госпиталях, лазаретах. Очевидно, я годен для военной службы.

«Моральные унижения — запросто»

Чем занимаются срочники в армии? Срочники — это чернорабочие, которые призваны что-то перетащить, что-то перекопать. Меня в части в целом стараются не привлекать на работу, связанную с пылью. И я не таскаю коробки на пыльных складах. Но я также езжу вместе с остальными перекапывать дороги, и бывает, что начинаешь задыхаться. Это довольно бессмысленная работа.

Тут отношение [к срочникам] всегда довольно хреновое, не только в этой части, в принципе вообще в армии. Ты как будто заключенный. Ты недееспособный абсолютно, ты не можешь сам за себя отвечать, с тобой должен ходить дядя со звездочками и черточками на погонах, который будет за тебя отвечать и смотреть за тобой. Ты не можешь выйти из казармы. Но когда ты выбираешься за [пределы] части, все становятся нормальными людьми. И это не только в этой части — это везде так. Ты перебрался за забор, и офицер рядом с тобой это уже не сотрудник ФСИН, это уже нормальный человек.

Я не был в частях, где есть дедовщина в плане физического проявления, чтобы кого-то избивали. Я слышал об этом в госпиталях, где пересекаются срочники из других частей — когда и тазиком

бьют, и мылом, завернутым в полотенце. Но где я был, естественно, не били. Но словесные унижения — только так. По отношению ко мне конкретно, что интересно, они не применяются. Но я же не слепой — может, ко мне не применяется, но ко всем остальным-то применяется. Для сержанта или даже прапорщика наорать благим матом на какого-нибудь срочника — вообще спокойно. Моральные унижения — запросто.

По поводу питания — в этой части хорошо. Здесь и кормят нормально, и водоснабжение есть — это заслуга командира части конкретно. Хороший показатель — что командование спускается в ту же столовую, что и ты. Но я видел это только здесь. Эта часть вообще довольно особенная, она реально образцово-показательная. По этой части судить по армии я бы не стал.

Мне на самом деле страшно, может случиться такая ситуация, что у меня приступ астмы, а у меня закончился сальбутамол[9]. Влад Здольников еще хорошо заметил, что сальбутамол очень сердце сажает, а я им очень часто уже пользуюсь. Уже появляются некоторые проблемы — у меня проблемы с давлением.

У меня уже ночью проблемы с дыханием начинаются. Я ночью просыпался в казарме, потому что начинал задыхаться. Просто по лестнице поднимаюсь, и уже начинаются затруднения в дыхании.

Я буду бороться за то, чтобы меня выпустили отсюда. Я тут похудел на 27 килограмм — в принципе неплохо, не зря сходил (смеется). Вообще никакой [пользы в

армии не вижу]. Я очень рекомендую любому, кто это будет читать, если у вас нет военного билета — займитесь этим. Не будьте как я, не откладывайте. Вы реально попадете на зону, где вас будут заставлять работать — и все. Это ничего вам не принесет. Вы не приобретете каких-то навыков.

Редактор: Дмитрий Трещанин

---

1. Сборный пункт, куда военкомат отправляет призывников и где их распределяют по воинским частям.
2. Авиабаза в Амурской области, где базируются стратегические бомбардировщики Ту-95.
3. Военный госпиталь в Белогорске Амурской области.
4. Лекарство купирует бронхоспазмы при бронхиальной астме.
5. Периодическую.
6. Ионова отправили служить в в/ч 75715-а, которая базируется в аэропорту Анадыря. Аэропорт «Угольный» — совместного базирования, используется и гражданской, и военной авиацией.
7. Бывший IT-специалист ФБК Владислав Здольников — друг Ионова.
8. Разговор с Ионовым записывался в субботу, 24 октября.
9. Лекарство купирует бронхоспазмы при бронхиальной астме.